

ФОРМИРОВАНИЕ НЕМЕЦКИХ МЕНЬШИНСТВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПО ИТОГАМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е. С. Полуни

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Поступила в редакцию 25 мая 2018 г.

Аннотация: в работе приведена характеристика состава, расселения и численности немецкого населения Чехословакии, Польши, Венгрии, Румынии, Югославии и стран Прибалтики в 1920-х гг. Основное внимание уделяется формированию немецких меньшинств из бывших немецких подданных Германской, Австро-Венгерской и Российской империй в ходе территориальных переделов согласно Версальскому мирному договору, по результатам плебисцитов и пограничных споров в регионе, а также по итогам миграций.

Ключевые слова: Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа; Версальский мирный договор, плебисцит, немецкие меньшинства.

Abstract: in the work is given the characteristics of the composition, settlement and strength of the German population in Czechoslovakia, Poland, Hungary, Romania, Yugoslavia and the Baltic states in the 1920-s. The main attention is paid to the formation of German minorities from the former German subjects of the German, Austro-Hungarian and Russian empires during the territorial redistribution under to the Treaty of Versailles, under the results of plebiscites and border disputes in the region, and under the results of migration.

Key words: Central, Eastern and South-Eastern Europe; Treaty of Versailles, plebiscite, German minorities.

После Первой мировой войны в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы остро стоял вопрос национальных меньшинств. При этом особую роль среди многочисленных меньшинств региона и в межвоенные годы, и в период Второй мировой войны играли немцы. Они были своего рода живым воплощением территориальных претензий и Веймарской, и Гитлеровской Германии к соседним государствам, а также нередко выступали предметом политического торга, позволявшего Берлину усилить свое влияние в соответствующих странах. В истории немецких меньшинств Центральной и Восточной Европы воплотились в жизнь наиболее опасные сценарии решения вопроса нацменьшинств вплоть до присоединения военным путем оспариваемых ввиду национального состава территорий. Эти обстоятельства предопределяют и научную, и политическую актуальность предпринятого исследования происхождения, состава, расселения и численности немецких меньшинств в Чехословакии, Польше, Венгрии, Румынии, Югославии и странах Прибалтики в межвоенные годы.

В историографии формированию групп немецкого населения в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе по итогам Первой мировой войны уделяется недостаточно внимания. Как правило, эта тема только затрагивается в контексте территориаль-

ного передела по Версальскому договору [1, с. 292–293; 2, с. 106–107], функционирования системы защиты прав национальных меньшинств в Восточной Европе [3; 4], проявлений ирредентизма и коллаборационизма судетских и польских немцев [5]. Большой интерес у исследователей, в особенности немецких, вызывает судьба немцев региона после Второй мировой войны [6–9]. Таким образом, рассматриваемая тематика «растворилась» в более популярных, таких как предпосылки, причины и последствия Второй мировой войны.

Группы немецкого населения в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе формировались в ходе многовековых миграционных процессов: средневековой колонизации и более поздних переселений немцев в восточном направлении. Первая мировая война существенно повлияла на их судьбу. Версальский мирный договор означал для миллионов немцев Восточной Европы смену страны проживания и изменение статуса: многие из представителей нации правящих династий Габсбургов и Гогенцоллернов перешли в разряд национальных меньшинств [10, S. 107]. На смену огромным формально наднациональным имперским организациям пришли малые государства с соответствующими титульными нациями (или их объединениями, как в Чехословакии и Югославии) и этническими меньшинствами. Между ними складывались непростые отношения, ведь власти новых стран

стремились ассимилировать нацменьшинства, чтобы закрепить существующие границы и добиться формирования гомогенных государств [3, S. 97–108]. Мириться со второй ролью в государстве особенно не хотели некоторые представители отличавшегося мощным социально-экономическим потенциалом и сохранившего память о недавнем имперском прошлом немецкого меньшинства.

Более или менее устойчивый состав немецкого населения новых стран региона сформировался в ходе продолжавшейся до начала 1920-х гг. перекройки границ межвоенной Восточной Европы: в соответствии с Версальскими договоренностями, по итогам плебисцитов, по результатам аннексий и военных конфликтов. По расселению выделялись приграничные немецкие группы (лояльность которых странам проживания была под вопросом), а также рассеянные по территориям государств меньшинства и диаспоры.

В границах Чехословакии оказались немцы в первую очередь австрийской, а также венгерской частей (словацкие или карпатские немцы) распавшейся дуалистической монархии [11, с. 1–2]. 28 июля 1920 г. немецкое меньшинство страны пополнили также немцы поделенной между Чехословакией и Польшей южной австрийской Силезии [12, с. 317–320]. Судетские немцы проживали вдоль границ Чехословакии. Кроме того, существовали отдельные расположенные во внутренних областях страны районы с многочисленным немецким населением, такие как Брюнн, Иглау, Ципс.

Польские немцы сформировались из немецкого населения сразу трех крупнейших империй региона: Германской (Западная Пруссия, Познань, часть Померании и Восточной Пруссии, часть прусской Верхней Силезии) [4, с. 95], Австро-Венгерской (немцы Галиции, Волыни, Тешинской Силезии) и Российской (немцы Царства Польского). Познанские немцы попали под польское управление по итогам Великопольского восстания 1918–1919 гг. [2, с. 111], а немецкое население данцигского коридора – по решению держав-победительниц. Данцигские немцы также оказались оторваны от Германии: город получил статус вольного, а жителей обязали сменить гражданство. Судьба немцев некоторых прусских северо-восточных территорий решалась всенародными референдумами в 1920–1921 гг. [13, с. 157]. В июле 1920 г. голосования прошли в Вармии, Мазурах, Повислье. И Берлин [14, с. 246–247], и Варшава развернули здесь активную агитацию. Итоги референдумов были для Польши неутешительными: ей досталось лишь пять районов в Повислье и три в Мазурах [2, с. 108–109].

Поляки попытались взять реванш в Верхней Силезии, отличавшейся мощным промышленным потенциалом и пестрым составом населения (немцы, поляки, чехи, евреи [15, S. 31]). Борьба за провинцию не ограничилась одной лишь агитацией: Германия привлекала сохранившиеся административные ресурсы, проводила антипольские акции, доставляла в плебисцитные районы проживавших там ранее немцев (около 200 тыс.); а поляки инициировали три верхнесилезских восстания в пользу присоединения этих земель к Польше. По плебисциту в Верхней Силезии 20 марта 1921 г. Польше удалось получить только 40,4 % голосов. Однако под воздействием третьего польского восстания 12 октября 1921 г. Совет Лиги Наций предложил разделить Верхнюю Силезию между странами по линии прекращения огня. Польше досталось 29 % территории провинции и 46 % ее населения с заметным немецким меньшинством и самое главное – большими запасами полезных ископаемых и развитой промышленностью [14, с. 246–247; 16, S. 21–24].

В Эстонии, Латвии и Литве проживало немногочисленное рассредоточенное немецкое меньшинство. Балтийские немцы в Российской империи долгое время пользовались привилегиями, составляя значительную прослойку дворянства и горожан Прибалтики; теперь же они превратились в национальные меньшинства, которые хотя и сохранили культурные свободы, но все же потеряли многие земельные владения. Особняком стоит межвоенная история Мемельской области, которая по решению держав-победительниц в 1920 г. была отделена от Германии и перешла в управление Антанты. В 1923 г. контролировавшие область французы вынашивали планы передать ее оккупировавшей Вильнюс Польше. Однако мемельские литовцы подняли восстание против поляков. 11 января 1923 г. литовские силы вытеснили французский контингент из Мемеля. После прекращения боевых действий Верховный Союзный совет передал Мемельский край Литве [2, с. 112]. В итоге мемельские немцы стали приграничным склонным к ирредентизму меньшинством.

Венгерские короли со средних веков заселяли свои земли немецкими колонистами, под воздействием этих и последующих переселений в пределах венгерской части дуалистической монархии сформировалось достаточно многочисленное немецкое население. Однако по Трианонскому мирному договору Венгрия потеряла обширные территории, в результате чего заметно сократилась и численность венгерских немцев, пополнивших немецкое население Румынии, Югославии и Чехословакии. В границах межвоенного венгерского государства осталась лишь треть дунайских швабов [7, S. 52–53]. Они прожива-

ли достаточно рассредоточенно в различных районах страны (в большинстве к западу от Дуная), например, в Оденбурге (Шопрон), Баранье, швабской Турции [6, S. 59–60].

Румынские немцы после Первой мировой войны, наоборот, увеличили свою численность за счет бывших австро-венгерских и российских подданных немецкого происхождения. В состав немецкой группы вошли немцы земель на западе, севере и востоке Румынии – Трансильвании (трансильванские саксы), восточного Баната (банатские швабы) [11, с. 1–2], Сатмара, Бессарабии, Буковины, Добруджи. Многим из них впервые пришлось привыкать к румынским порядкам.

Югославия также получила от Австро-Венгрии населенные, в том числе немцами, западный Банат, Бачку, часть Бараньи [7, S. 60], Славонию и Сирмию (Хорватию) [6, S. 59; 7, S. 53, 60]. Занимавшие преимущественно север страны немцы зачастую проживали в смешанных поселениях бок о бок с сербами, словенцами, венграми, хорватами, евреями [17, S. 33–34]. Славянское окружение было для югославских немцев привычно, однако они впервые оказались в статусе национального меньшинства.

Роль немецких меньшинств напрямую не определялась их численностью, и все же этот показатель является одним из важнейших для их характеристики. От этой статистики зависели позиции сторон при переговорах восточноевропейских государств с Германией по проблеме защиты прав немецких меньшинств. Поэтому власти стран региона пытались занижить соответствующие числовые показатели, а немцы, наоборот, завысить. Определение точной численности немецких групп затруднено ввиду наличия смешанного двуязычного населения, миграций, особенностей национального самоопределения отдельных групп (например, автохтонов) и личностей.

Особенно много спорных ситуаций возникало вокруг подсчета пограничных меньшинств, поскольку эти числа использовались в качестве аргумента в дискуссии о границах. Характерен пример Чехословакии. За ложное объявление национальности здесь грозил штраф или короткое тюремное заключение. В фальсификации национальной принадлежности обвинили тысячи граждан Чехословакии. Если при переписи указывались двойная национальность или ее отсутствие, то чешские переписчики самостоятельно определяли национальную принадлежность по введенным критериям: материнский язык (язык супругов или повседневного общения), происхождение, образование, организация семейной и социальной жизни. При этом многие чехословацкие немцы записывались в чехи по прагматическим соображениям, например, чтобы обеспечить будущее детей. В итоге

в сравнении с 1910 г. в богемских землях в 1921 г. насчитали на 420 тыс. меньше немцев [18, p. 159].

Объективным фактором сокращения численности немецких меньшинств региона в межвоенные годы были миграции немцев из стран проживания в Германию. Отток немецкого населения с восточных окраин Германской империи начался еще в период промышленной революции: с аграрного востока мигрировали на более развитый в промышленном отношении запад страны. Соотношение поляков и немцев в польско-германском пограничье постепенно менялось также под влиянием высокой рождаемости среди польского населения [19, с. 245, 250]. После Первой мировой войны дополнительный импульс миграциям придали распад империй и угроза потери немецкого гражданства, ухудшение положения немецких групп.

Из потерянных Германией согласно Версальским договоренностям земель мигрировало около миллиона человек [8, S. 11–13; 16, S. 15]. После образования польского государства его покинули бывшие имперские чиновники и служащие, некоторые немецкие поселенцы [9, S. 77; 20, S. 22]. Особенно активно немцы уезжали из Познани, Западной Пруссии, Верхней Силезии (из польской части этой провинции мигрировало 200 тыс.) [21, с. 231]. Наиболее быстро, во всяком случае, с 1921 г. сокращалось немецкое население польских городов, к примеру, в г. Познань процент польского населения за три послевоенных года вырос с 53 до 94 [22, p. 28–29]. Немцы отошедших Польше по плебисциту земель стояли перед выбором: получить польское гражданство или уехать в Германию. Берлин [14, с. 250–251] и сепаратисты из числа немецкого меньшинства Польши старались удержать польских немцев в стране проживания, чтобы сохранялись основания для соответствующих территориальных претензий [22, p. 27].

Политика ассимиляции и национализм в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы способствовали также миграциям среди прочих немецких групп. Например, на фоне аграрных реформ численность балтийских немцев в межвоенные годы сократилась в Эстонии с 5,3 до 1,7 %, а в Латвии – с 11,3 до 3 % [6, S. 55–58]; даже Буковину ввиду интенсивной румынизации в 1918 г. покинуло некоторое количество немцев [23, с. 115].

Итак, в общей сложности вследствие распада Германской и Австро-Венгерской империй за пределами немецких государств оказалось 6,5 млн немцев, в частности, Германия потеряла 3,5 млн немецкого населения [16, с. 156]. Самым многочисленным немецким меньшинством были чехословацкие немцы – свыше 3 млн человек [24, S. 152; 25, S. 20–21]. Кроме составлявших подавляющее большинство судетских

немцев, в Чехословакии проживали также небольшие немецкие группы, такие как карпатские немцы численностью около 150 тыс. человек [26, S. 17]. Немцы составляли около четверти населения Чехословакии, уступая чехам в два раза и превосходя словаков в полтора раза по численности [18, p. 138; 25, S. 20–21]. Такое соотношение подпитывало недовольство чехословацких немцев их положением национального меньшинства [8, S. 14–16].

По данным переписи 1921 г., т. е. уже после мощной волны немецких миграций первых послевоенных лет, в Польше проживало свыше миллиона немцев. Составляя 4 % от населения, они являлись четвертым по численности меньшинством страны после украинцев, евреев и белорусов. В 1927 г. по официальным данным насчитывалось 884 тыс. польских немцев, а к 1930-м гг. – лишь 741 тыс. И в Германии, и в немецкой группе Польши эти цифры считали заниженными [22, p. 27]. Относительно высокая концентрация немцев наблюдалась в Познани и в Западной Пруссии [13, с. 157], причем к 1921 г. их численность снизилась почти вдвое – до полумиллиона человек [22, p. 28]. Столько же было разбросано по территории бывшего Царства Польского. В польской Верхней Силезии насчитывалось около 300 тыс. этнических немцев, треть населения этой области. В бывших австро-венгерских землях немецкое меньшинство было многочисленным: около 50 тыс. в Галиции [22, p. 29; 27, с. 297], около 30 тыс. или 20 % населения в Тешинской Силезии. Наконец, в Вольном городе Данциг проживало порядка 300 тыс. немцев [13, с. 156] (95 % горожан [2, с. 107]).

Доля немецкого населения в странах Прибалтики в 1930 г. распределялась следующим образом: 1,7 % в Эстонии, 3,8 % в Латвии и 6 % в Литве [3, S. 108] (в общей сложности свыше ста тысяч человек). Из 140 тыс. населения Мемельской области [2, с. 106–107; 13, с. 156] немцы составляли 40 %, а литовцы – около 30 % [2, с. 112]. Венгрию в период между мировыми войнами населяло свыше полумиллиона этнических немцев [28, S. 26] (меньше 10 % населения). В Румынии немецкое меньшинство составляло 4–5 % населения страны [3, S. 108; 29, S. 69–71] или 500–800 тыс. человек [28, S. 26; 30, S. 103]. Наиболее крупными группами здесь были трансильванские саксы (250 тыс. [6, S. 60]) и банатские швабы (270 тыс. [29, S. 64–65]); меньше немцев проживало в Бессарабии (100 тыс.), Буковине (70 тыс.) [23, с. 113–114], Сатмаре (30 тыс.) [29, S. 64–65]. Югославских немцев также насчитывалось около полумиллиона человек [28, S. 26] или 4 % населения страны, что сравнимо по численности с прочими крупнейшими неславянскими меньшинствами Югославии – венграми и албанцами [31, с. 13–14].

Таким образом, в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы после Первой мировой войны сформировались крупные немецкие меньшинства за счет бывшего немецкого населения австрийской и венгерской частей дуалистической монархии, северо-восточных окраин Германской империи, западных и юго-западных территорий Российской империи под воздействием территориальных переделов согласно Версальским договоренностям, по результатам плебисцитов, по итогам пограничных конфликтов и аннексий. Давно проживая бок о бок с другими народами, большинство из этих немцев все же впервые оказались в роли этнических меньшинств, многим пришлось привыкать к новым для них реалиям. Недовольство ощущалось даже среди немногочисленных рассредоточенных по региону немецких групп, но в самой радикальной форме проявилось у проживавших концентрированно вдоль границ достаточно крупных немецких меньшинств, таких как немцы польского коридора и судетские немцы. Впоследствии Нацистская Германия использовала эту ситуацию в интересах своей агрессивной внешней политики, подогревая прогерманские настроения среди немецких меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стыкалин А. С.* Территориальный спор двух дунайских государств и советско-германское противостояние в регионе. К истории раздела Трансильвании в августе 1940 г. / А. С. Стыкалин // Вестник МГИМО – Университета. – 2009. – Специальный выпуск. – С. 291–298.
2. *Шаццлло В. К.* Версаль и проблема определения восточных границ Германии / В. К. Шаццлло // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 5. Парижская мирная конференция, 1919–1920 : Взгляд из XXI в. / отв. ред. А. А. Улуян, Е. Ю. Сергеев. – М. : ИВИ РАН, 2017. – С. 104–113.
3. *Lemberg H.* Kulturautonomie, Minderheitenrechte, Assimilation. Nationalstaaten und Minderheiten zwischen den beiden Weltkriegen in Ostmitteleuropa / H. Lemberg // Auf dem Weg zum ethnisch reinen Nationalstaat? Europa in Geschichte und Gegenwart / hrsg. von M. Beer. – Tübingen : Attempto Verlag, 2004. – S. 91–117.
4. *Борисова А. А.* Правовое положение немецкого меньшинства в Польше после окончания Первой мировой войны (на примере Верхней Силезии) / А. А. Борисова // Регелевский сборник : материалы Вторых Регелевских чтений 18–19 ноября 2013 г. / под ред. С. В. Кретицина. – Воронеж : Истоки, 2014. – С. 95–101.
5. *Кретицин С. В.* Судетские немцы : Народ без родины. 1918–1945 гг. / С. В. Кретицин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. – 320 с.
6. *Ziemer G.* Deutscher Exodus. Vertreibung und Eingliederung von 15 Millionen Ostdeutschen / G. Ziemer. – Stuttgart : Seewald Verlag, 1973. – 246 S.

7. Huber G. Der Leidensweg der Deutschen in Jugoslawien / G. Huber // 40 Jahre nach Flucht und Vertreibung... als der Exodus begann. Augenzeugen berichten / hrsg. von H.-U. Engel. – Düsseldorf : Walter Rau Verlag, 1985. – S. 52–62.
8. Förtsch F. Umsiedlung, Vertreibung und ethnische Säuberung als Phänomen der europäischen Geschichte des 20. Jahrhunderts / F. Förtsch // Die Heimat verloren. Erinnerungen an Flucht, Vertreibung und Neuanfang / hrsg. von F. Förtsch. – Greilsheim : Baier Verlag, 2009. – S. 7–26.
9. Brandes D. Die Vertreibung und Aussiedlung der Deutschen aus Polen und der Tschechoslowakei. Pläne, Entscheidungen, Durchführung 1938–1947 / D. Brandes // Definitionsmacht, Utopie, Vergeltung. “Ethnische Säuberungen” im östlichen Europa des 20. Jahrhunderts / hrsg. von U. Brunnbauer, M. G. Esch, H. Sundhaussen. – Berlin : Lit Verlag, 2006. – S. 77–95.
10. Tolksdorf U. Phasen der Kulturintegration / U. Tolksdorf // Neue Heimat im Westen : Vertriebene, Flüchtlinge, Aussiedler. – Münsters : Westfälischer Heimatbund, 1990. – 160 S.
11. Вдовина И. А. Трианонский мирный договор / И. А. Вдовина, Е. П. Лезина // Огарёв-Online. – 2014. – № 11 (25). – С. 1–6.
12. Случ З. С. Польша в политике Третьего Рейха накануне Второй мировой войны (1938–1939 гг.) / З. С. Случ // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. – М. : Индрик, 2002. – С. 305–352.
13. Космач В. А. «Унижение в Версале» : итоги Первой мировой войны для Германии / В. А. Космач // Псковский военно-исторический вестник. – 2015. – № 1. – С. 155–167.
14. Красновская Е. И. Трансформация германской дипломатии в отношении Польши в контексте итогов Первой мировой войны / Е. И. Красновская // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Т. 150, кн. 7. – С. 242–252.
15. Schneiß W. Flucht, Vertreibung und verlorene Heimat im früheren Ostdeutschland : Beispiele literarischer Bearbeitung / W. Schneiß. – Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern : Lang, 1996. – 356 S.
16. Schwarz W. Die Flucht und Vertreibung Oberschlesien 1945/46 / W. Schwarz. – Bad Nauheim : Podzun-Verlag, 1965. – 324 S.
17. Beer M. Selbstbild und Fremdbild als Faktoren bei der Eingliederung der Flüchtlinge und Vertriebenen / M. Beer // Die Flüchtlingsfrage in der deutschen Nachkriegsgesellschaft / hrsg. von S. Schraut und Th. Grosser. – Mannheim : Palatium-Verl., 1996. – S. 31–55.
18. Zahra T. The “Minority Problem” and National Classification in the French and Czechoslovak Borderlands / T. Zahra // Contemporary European History. – Vol. 17. – No. 2 (May, 2008). – P. 137–165.
19. Белая Е. А. Политика германизации в городах на польских землях Германской империи / Е. А. Белая // Метаморфозы истории. – 2013. – № 4. – С. 242–258.
20. Erdmann K. Deutschland und der Osten – zur historischen Einschätzung der gegenwärtigen Lage / K. Erdmann // Vertreibung und Versöhnung. Die Synode der EKD zur Denkschrift “Die Lage der Vertriebenen und das Verhältnis des deutschen Volkes zu seinen östlichen Nachbarn” / hrsg. von E. Wilkens. – Stuttgart-Berlin : Kreuz-Verlag, 1966. – S. 17–34.
21. Кретинин С. В. Фактор национальных меньшинств в период между двумя мировыми войнами (1919–1939) / С. В. Кретинин // Феномен мировых войн в истории XX века : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.) / редкол.: А. А. Богдашкин [и др.]. – Воронеж : Научная книга, 2017. – С. 230–232.
22. Edward D. The Polish Germans, 1919–1939 : national minority in a multinational state / D. Edward, Jr. Wynot // The Polish Review. – Vol. 17. – No. 1 (Winter, 1972). – P. 23–64.
23. Огуй А. Д. Языковая ситуация на Буковине в австрийский период : динамика краевых языков в социолингвистическом аспекте (1774–1918 гг.) / А. Д. Огуй // Русин. – 2013. – № 3 (33). – С. 108–117.
24. Guttman B. Deutschlands künftige Grenzen. Überlegungen. Weinachten 1945 / B. Guttman // Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten. Ursachen, Ereignisse, Folgen / hrsg. von W. Benz. – Frankfurt-am-Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. – S. 148–156.
25. Persson H. Å. Rhetorik und Realpolitik. Großbritannien, die Oder-Neiße-Grenze und die Vertreibung der Deutschen nach dem Zweiten Weltkrieg / H. Å. Persson. – Berlin : Berlin Verlag, 2001. – 263 S.
26. Umsiedlung, Flucht und Vertreibung der Deutschen als internationales Problem. Zur Geschichte eines europäischen Irrwegs / hrsg. von C. Eichenberger, K.-P. Krauss. – Stuttgart : Haus der Heimat des Landes Baden-Württemberg, 2002. – 92 S.
27. Кретинин С. В. Немецкая социал-демократия в Польше в 1918–1939 гг. : к истории партии национального меньшинства / С. В. Кретинин // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. – М. : Индрик, 2002. – С. 297–304.
28. Reichling G. Die deutschen Vertriebenen in Zahlen. Teil 1: Umsiedler, Verschleppte, Vertriebene, Aussiedler 1940–1985 / G. Reichling. – Bonn : Kulturstiftung der deutschen Vertriebenen, 1986. – 72 S.
29. Bergel H. Die Not der Deutschen aus Siebenbürgen und dem Banat / H. Bergel // 40 Jahre nach Flucht und Vertreibung... als der Exodus begann. Augenzeugen berichten / hrsg. von H.-U. Engel. – Düsseldorf : Walter Rau Verlag, 1985. – S. 63–75.
30. Neumann V. Erzwangene Auswanderungen / V. Neumann // Vertreibungen europäisch erinnern? Histo-

rische Erfahrungen. Vergangenheitspolitik – Zukunftskonzeptionen / hrsg. von D. Bingen, W. Borodziej, S. Troebst. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2003. – S. 102–109.

Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Полунин Е. С., старший научный сотрудник 14 отдела научно-исследовательского научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС)

E-mail: evgeny.polunin1989@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 55-58-3-07; 8-920-219-83-37

31. Буквич Р. Развитие региональной проблемы в Югославии в 1918–1941 гг. : централизм, федерализм и межнациональные проблемы / Р. Буквич // Регионоведение. – 2014. – № 2 (87). – С. 5–17.

*N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin Air Force Academy
Polunin E. S., Research Fellow of Scientific and Research
Center of Combat Application and Support of the Air Force*

E-mail: evgeny.polunin1989@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 55-58-3-07; 8-920-219-83-37